

Список литературы

1. Байетт А. С. Джинн в бутылке из стекла «соловьиный глаз» / пер. И. Тогоевой // Иностранная литература. 1995. №10. С. 145–199.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
3. Кольридж С. Т. Сказание о Старом Мореходе / пер. В. Левика // Поэзия английского романтизма. М., 1975. С. 155–175.
4. Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 345–355.
5. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. И. Кашкина и О. Румера. М., 1973.
6. Чосер Дж. Книга о королеве. Птичий парламент / пер. С. А. Александровского. М., 2004.
7. Byatt A. S. The Djinn in the Nightigale's Eye // Byatt A. S. The Djinn in the Nightigale's Eye. Five fairy stories. N. Y., 1994. P. 93–272.
8. Byatt A. S. On Histories and Stories: Selected Essays. Cambridge, Massachusetts, 2002.
9. Byatt A. S. Interview / Tanya Harrod & Glean Adamson // The Journal of Modern Craft. 2011. Vol. 4, iss. 1 P. 65–82.

63

Об авторе

Наталья Георгиевна Владимирова – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: natvl_942@mail.ru

About the author

Prof. Nataliya Vladimirova, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: natvl_942@mail.ru

УДК 821.162.1

Г. Л. Нефагина

ПОЭТИКА ЖАНРА «ШПИОНСКОЙ» ДИЛОГИИ С. ПЕСЕЦКОГО

На основании исследования поэтики романов С. Песецкого «Пятый этап» и «Богам ночи равные» автор оспаривает традиционное представление о них как о принадлежащих к приключенческому жанру. Рассматриваются повествовательная структура произведений, их композиция, мотивная система, функция снов, писем, вставных эпизодов.

Researching the poetics of S. Pesetsky's novels "The Fifth Stage" and "Equal to The Gods of Night" the author disputes the traditional idea of them as belonging to the genre of adventure. The narrative structure of the works, their composition, motive system, the role of dreams, letters, included episodes are explored.

Ключевые слова: жанр, поэтика, авантюрно-приключенческая парадигма, дневник, онейрический текст, сюжетный параллелизм, идеологический роман, психологический портрет.

Key words: genre, poetics, adventure paradigm, diary, oneiric texts, plot parallelism, ideological novel, psychological portrait.

Произведения польско-белорусского писателя Сергея Песецкого автобиографичны в своей основе. Давая литературную огранку тому или иному периоду своей жизни, Песоцкий создавал, как правило, несколько романов, объединенных в цикл. В 1920-е гг. будущему писателю довелось заниматься шпионской деятельностью в польско-белорусском приграничье, и этот эпизод биографии послужил материалом для дилогии, состоящей из романов «Piąty etap» («Пятый этап») и «Bogom posu gówni» («Богам ночи равные»).

Первая из книг была написана в 1934 г., вторая — в 1938-м, когда новости о репрессивной политике Сталина сильно изменили отношение Песецкого к Советскому Союзу и вместе с этим — и к русскому народу. Но основные события дилогии происходят в 1923 г. Главный герой «Пятого этапа» — Роман Забава — сотрудник внешней разведки, то есть шпион.

Язэп Янушкевич, автор предисловия к белорусскому переводу романа «Пятый этап», определяет его жанр (а соответственно, и жанр всей дилогии) как шпионский, приключенческий [2, с. 4]. Он следует устоявшемуся стереотипу определения жанра через тематику: если роман о разведчиках, то он непременно приключенческий. На самом деле вопрос о жанре дилогии не так прост. Как бы предостерегая читателей от поспешных выводов, автор романа «Пятый этап» уже на первых его страницах рассуждает о несоответствии литературных и кинематографических «шпионов» жизненной правде:

Zawsze żywo się interesowałem filmami i powieściami szpiegunskimi. Imponowało mi intensywne życie szpiegów, ich spryt, przebiegłość, emnergia i odwaga... <...> Myślałem, że szpiegami mogą być ludzie mający niemal nadnaturalne zdolności i olbrzymią, wszechstronną wiedzę. <...> To wszystko było niezgodne z prawdą. <...> Jako szpieg rozpoczynam piąty etap swego życia, które będę zapisywał możliwie najdokładniej w dzienniku. A wy porównujcie to autentyczne życie agenta wojskowego wywiadu zakordonowego z życiem wspaniałych bohaterów, których podziwialiście na srebrnym ekranie i o których czytaliście w powieściach sensacyjnych [5, s. 12–13].

Жанроопределяющей особенностью приключенческого романа является организация художественного времени. События всегда разворачиваются стремительно, в каждом отрезке сюжета существует свой контрапункт, своя точка наивысшего напряжения. В «шпионских» частях дилогии Песецкого только моменты перехода через границу держат читателя в напряжении и обладают элементами неожиданности, хотя и здесь действие замедляется «излишними» подробностями:

O swych burzliwych przeżyciach na granicy Zabawa opowiada drobiazgowo i sugestywnie. Szczerze i bez upiększeń mówi o zmaganiach z przyrodą, wrogami i z samym sobą [3, s. 96].

А в целом повествование в дилогии не соответствует авантюрно-приключенческой парадигме.

Два романа сходны по структуре и состоят из разножанровых компонентов. Каждой главе предпослан эпиграф, не только выражающий смысл главы, но и демонстрирующий литературные интересы писателя. Эпиграфы взяты из древнеримских философов, Апокалипсиса, польской, украинской, русской, чешской поэзии, из произведений французских и русских классиков, из фольклора. Эпиграфы также играют роль маркеров, вводящих роман Песецкого в контекст мировой литературы. Это знаки повторяемости описываемых автором «приключений», а следовательно, и их типичности.

Повествование построено так, что рассказ о герое перемежается его дневниковыми записями. При этом в повествовании от третьего лица сохраняется та же точка зрения на происходящие события, та же мировоззренческая позиция, что и в дневнике; оно нужно только как условие для объектного видения героя. Биограф Песецкого Рышард Демель заметил:

W «Kronice» Roman Zabawa opisuje swoją działalność szpiegowską, a w narracji żyje drugim życiem,, człowieka kochającego, cierpiącego, przywiązanego do natury i dobrych ludzi [3, s. 96].

Можно говорить об эгоцентричности романов Песецкого, поскольку герой и автор в них идеологически сближены, взаимопроницаемы. Возможно, эта «монологичность» связана с тем, что «Пятый этап» — первое произведение Песецкого и начинающему автору еще не были подвластны диалогические способы наррации, к которым он придет позднее, в цикле «Вавилонская башня».

Основную часть сюжета дилогии составляет дневник Романа Забавы. Говоря о его жанровой парадигме, прежде всего следует разграничить понятия «дневник» и «дневниковая форма». Собственно дневник — «вещь для себя», произведение интимное, даже если речь в нем идет об общественно значимых событиях. Это в некотором роде «первичный» жанр, то есть представляющий собой непосредственное, эстетически не обработанное явление саморефлексии. Дневниковая форма — способ презентации художественного текста, в том числе и автобиографического, целевая установка которого состоит в выходе на «другого», на читателя, то есть это явление отнюдь не автокоммуникативное. Герой Песецкого, ведя дневник, представляет, что делится «swymi wrażeniami z jakimś bliskim, wyrozumiałym przyjacielem, z którym o wszystkim można swobodnie mówić» [5, s. 9]. Это уже «вторичный» жанр, в котором используется только форма, тождественная дневнику, но авторские интенции и повествовательная стратегия иные.

«Дневник» Романа Забавы от собственно дневника как жанра наследует хронологичность, точное указание дат и мест, но в нем не найти той непосредственности реакций, той импрессионистической «необработанности», которые характерны для автокоммуникативного «журнала». Да и сам герой Песецкого не однажды упоминает, что его записи рассчитаны на читателя, «постороннего человека»:

Ciekaw jestem, czy uwierzą mi ci, którzy to przeczytają?» [4, s. 154];

Piszę ten dziennik. Staram się nie blagować. Pokazuję siebie i towarzyszy w różnych sytuacjach, w rozmaitym oświetleniu [4, s. 276].

В отличие от автобиографических произведений, в которых сосуществуют точки зрения «я» прежнего и «я» нынешнего, в дневнике «я» повествователя не расслаивается. Он всегда равен самому себе, то есть не существует психологической дистанции между объектом и субъектом повествования. Содержание дневника как жанра составляет внутренний мир автора, вырастающий из оценок, суждений, характера отношений между «я» и другими. Объектом рефлексии могут служить окружающие люди, которым сам автор дает те или иные оценки от своего лица либо от лица иных персонажей. В микрокосм дневника входит мир вещей, повседневный быт, преломленный через субъективное восприятие, «живые» факты. В дневнике равноценны бытовая деталь и эпохальное событие, выплеск чувств и движение мысли, сознания. Оценки и суждения автора могут быть импульсивными, могут расходиться с общественным мнением. Но в дневнике всегда есть частица правды.

Дневник Романа Забавы — это форма, позволяющая представить не столько события, сколько характер героя, вернее, характер на фоне событий. Это не собственно дневник, а псевдодневник, так как он насыщен диалогами, обращениями к читателю. Вообще, это *псевдо*- может определять и жанр, и приемы повествования, и самого героя: все притворно, все не подлинное. Но из этой тотальной фальши вылепливается жизнь Забавы, которая, несмотря на постоянную игру, оказывается настоящей. Читатель постоянно ждет, что игра наконец закончится и герой заживет без притворства, но Забава не может иначе, не случайно и фамилия у него такая — Забава, то есть *игра*. Он все время ведет игру: с властями СССР, пограничниками, друзьями, женщинами, опасностью и смертью, в конечном счете — с самим собой.

Nieraz się zastanawiałem nad tym, ile różnych gier muszę prowadzić. Ci ludzie, którzy mnie znają, mają o mnie zapewne krańcowo sprzeczne pojęcia. <...> Nina Andrejewna myśli, że niepraktyczny chłopiec, zamiłowany w technice. Starkow myśli, że zdolny, zimny łotr, który dla kariery gotów jest sprzerdać nawet najbliższych kolegów. Nowi koledzy, technicy, myślą, że szczery, dobry chłop. <...> Oficerowie na granicy myślą, że zwariowany straceniec, fanatycznie kochający Polskę a ślepo nienawidzący bolszewików. Przełożeni z wywiadu myślą, że narwany awanturnik, pracujący z żądzy wrażeń, chęci łatwego zarobku i psioczenia bolszewikom za doznane od nich krzywdy [4, s. 131].

Все маски Забавы, которые вроде бы демонстрируют расщепление личности в зависимости от обстоятельств, в то же время оказываются способами выявления единого ядра характера.

Действительно, Забава — авантюрист, любитель острых ощущений, риска. Ему нравится ходить по острию ножа, занимаясь деятельностью

агента польской разведки, в которую его, белоруса, привела не только жажда приключений и денег, но и ненависть к большевикам. Это — почти патологическая ненависть и презрение, хотя, как объективно, независимо от интенции автора следует из романа, нередко большевики оказываются гуманнее и морально выше разведчиков-авантюристов с их цинизмом, пьянством, пристрастием к кокаину, неуважением к женщине.

В романе «Пятый этап» Забава размышляет о достоинстве и чести, о праве называться человеком. Но собственный его кодекс весьма своеобразен:

Ja o wartości człowieka sądzię podług ogólnie przyjętych zasad etycznych, lecz przede wszystkim na podstawie tego, czy dotrzymuje dany gość słowa, czy nie!¹ [5, s. 44–45].

67

При этом герой сам считает возможным нарушать обещания, унижать ближнего. В нем ощутима завышенная самооценка, комплекс сверхчеловека:

Przede wszystkim był świadom swej wyższości. <...> Sam trzyma w rękę swój los i losy tysięcy innych ludzi [4, s. 126];

Czuję się nieskończenie wyższy od wszystkich otaczających mnie ludzi [4, s. 122].

Не случайно Забаве представляется, что он и его товарищи «равны ночным богам». Но душа его пуста, несмотря на все псевдофилософские разглагольствования героя романа о ценности бытия личности, об индивидуальности и неповторимости человека. По сути, у него нет жизненной опоры, какого-либо стержня, позволяющего ценить жизнь. Нельзя же строить все на ненависти (к большевикам, крестьянам, случайно встреченным людям)... А представляется, что только ненависть и держит его на земле.

Правда, в жизни Забавы есть любовь. Но, безответная и болезненная, она только подчеркивает бесцельность его существования и приводит к мысли о самоубийстве.

Кроме дневника Романа диалогия включает еще дневник Лизы — предмета его страсти. Этот интимный документ может шокировать своей пошлостью и разнузданным эротизмом. По словам З. Гиппиус, «дневник не всегда приятное зеркало» [1, с. 26]. Именно с такой, далеко не романтической стороны, обрисовывается образ Лизки в ее дневнике, вроде бы не рассчитанном на постороннего читателя. Эта бездуховная, сексуально озабоченная, продажная и корыстная девица, какой она предстает в собственных записях, возводится влюбленным Забавой едва ли не в ранг жертвы — сродни Соне Мармеладовой. Но Песецкий

¹ «Я сужу о ценности человека не на основе общепринятых этических правил, а по тому, способен он держать данное слово или нет» (отв. ред.).

не смог создать психологически глубокий образ женщины, раздираемой противоречиями. Его Лиза далека от героинь Достоевского. Но ее дневник вносит новые краски в образ главного героя.

Посмотреть на Романа Забаву глазами других людей позволяют письма (их восемь в романе «Пятый этап» и три — в «Богам ночи равные»). Последовательное расположение писем поручика, доктора, его дочери и самого Забавы в «Пятом этапе» представляет собой композиционный прием, во-первых, показывающий одно и то же событие в разных ракурсах, с разных точек зрения, во-вторых, способствующий детализации характера главного героя. Для аристократичного поручика его проводник через польскую границу — «*typ brutalny, chociaż po swojemu uczciwy, lecz i złodzieje dotrzymują danego słowa lub podjętych zobowiązań*»² [5, s. 167]. Поручик с пренебрежением замечает, что проводник — это вол, от которого нельзя требовать вежливых манер. Доктор, даже в предельном физическом и нервном напряжении продолжавший свои наблюдения, отмечает бесстрашие, уверенность движений и в то же время нервозность проводника, которую он воспринимает не как ситуативную черту, а как постоянное качество характера Забавы. От острого взгляда доктора не ускользнуло звериное поведение проводника в минуты опасности:

W pewnym momencie <...> przycupnął na ziemi — przybierając postawę gotowego do skoku dzikiego zwierza. <...> Dostrzegłem nawet podniesioną górną wargę i lśniąca biel zębów, a oczy jego, z lekka przymrużone, patrzyły uparcie w jedno miejsce [5, s. 169].

Это сходство героя со зверем отмечается и в сцене встречи с волком в Красносельском лесу [5, s. 179], и в дневнике Забавы, который сам себя сравнивает с ночным хищником. Невольно возникает мысль, что не ночным богам подобны эти агенты, а скорее ночным зверям. Дочь доктора, барышня романтическая, в отличие от отца и поручика, увидевших в главном герое некультурного, необразованного мещанина, заметила в нем «*tyle wrodzonej inteligencji, ile nie zawsze spotykała u ludzi światowuch*»³ [5, s. 171]. Множественность оценок дополняется опосредованной самохарактеристикой Забавы. В письме приятелю он пренебрежительно и даже цинично отзываясь о «фраерах» и похожей на хозяйскую корову рыжей девице, которых ему пришлось переправлять через границу и на которых он сумел заработать 6 золотых. Цинизм, неуважение к людям постоянно проявляются в поведении Забавы и расходятся с теми гуманистическими сентенциями, которые он декларирует в дневнике.

В композицию романа «Пятый этап» включены многочисленные сны, актуализирующие пережитое героем наяву. Очевидно, что сон в

² «Тип грубый, хотя и честный по-своему, но и воры придерживаются данного слова и принятых обязательств» (отв. ред.).

³ «Столько врожденного ума, сколько не всегда встретишь у светских людей» (отв. ред.).

романе — отражение внутреннего мира персонажа, сублимация его опасений и страхов, воспроизведение его бессознательного. Онейрический текст первых четырех снов Забавы состоит из переживания переходов через границу и связанных с ними опасностей. Потому в его снах возникают то длинный коридор, по которому приближается смерть-скелет, то толпы оборванцев на улицах, то две большие птицы, попавшие в окружение веселящихся за решеткой людей, все время пытающихся ткнуть птиц в бок. Сюрреалистическое видение месяца, превращающегося в лицо Вильгельма II, представляется символическим выражением угрозы.

Сон, который приснился Забаве накануне нового 1923 г., в контексте романа можно трактовать как некое предвидение-предостережение, тем более что сам герой говорит об особом значении снов в новогоднюю ночь. Забаве видится, что при переходе границы он замечает мчащихся на него всадников, которых принимает за цыган. Но цыгане оказываются фальшивыми: у одного из них отклеивается черная борода. В следующий момент Забава идет по минской улице и встречает карлика-милиционера, который начинает стремительно расти и превращается в великана. Безоружный Забава в ужасе бежит и, преследуемый толпой, вбегает на железнодорожные пути, заставленные вагонами. На одной из платформ он видит огромную трубу, в которую и прячется от преследователей. В конце трубы что-то засветилось, и Забава прочитал на экране слово «Антоколь». Если учесть, что Антоколь — это предместье Вильно, где находилась тюрьма, то очевидна предупреждающая функция сна.

Конечно, в первом романе Песецкого вряд ли следует усматривать гипертекстовые ассоциации онейрического текста. Писатель еще не способен увязать сон со всеми мотивами и событийно-психологическими уровнями романа. Но такая попытка делается. Забаве снится трехчастный сон, в котором он оказывается в книжном магазине, где читает огромную, чрезвычайно интересную книгу (судя по всему, книгу собственной судьбы); затем в этом же магазине он видит странные часы со множеством разноцветных стрелок (несколько наивная метафора времени человеческих жизней); и наконец герой оказывается в зеркальном зале, где среди множества отражений танцуют четыре голые пары под музыку сюрреалистического оркестра. Этот сон соединяет сюжетный, идеологический и психологический уровни романа.

В «Пятом этапе» необходимо отметить своеобразный сюжетный параллелизм, сопоставляющий события, происходящие одновременно в разных местах. Как правило, авторское повествование о Романе Забаве синхронизируется с другим нарративными линиями словами «В то время как...». Соединительными звеньями разнородных событий служит повторение некоего мотивного комплекса. Так, когда Забава сидел в *ночной темноте* возле пограничного столба, капитан Антасевич в *ночной темноте* пытался сделать подкоп для побега из минской ЧК. Когда Забава лежал на *пограничье*, слушая *песни советских солдат*, капитан Антасевич лежал избитый в ЧК, и до него долетала *песенка охранников*; в это

же время советская диверсионная группа Мухи-Михальского ждала сигнала для перехода на польскую сторону и, *лежа на лугу*, слушала *песню польских пограничников*. Таких сюжетных параллелей в романе 14. Если учесть, что всего в нем 17 глав, то параллелизмом завершается практически каждая глава.

Сюжетные переключки показывают возможные варианты судьбы Забавы, отраженные в судьбах таких же агентов, как он. Помимо этого, параллели раздвигают событийное пространство, вводя действие в масштаб целого мира. Когда Забава переплывал *реку*, в подвале ЧК Пелиньски умирал *от жажды*, а над Австралией четвертый день бушевали *ливни*, и в Буэнос-Айресе известная танцовщица кабаре *купалась в ванне, наполненной 50 литрами молока*.

Параллелизм дает возможность обнаружить противоречивую внутреннюю связь явлений при их внешней противопоставленности. Вот Забава разыгрывает сцену возмущения якобы некоммунистическим поведением Озимова, а в это время в минском ГПУ разыгрывают сцену расстрела Пелиньского, чтобы сломить его дух. В Тегеране шах *награждает орденом* эквилибриста, а в европейской стране *отказываются дать орден* военному разведчику за мужество и преданность родине. В смоленской тюрьме в камерах под номерами 3, 6, 9, 12 сидят агенты польской разведки, а в Чикаго в зале модельного театра на подиум выходят соперницы под номерами 3, 6, 9, 12. Эти ситуации, репрезентирующие понятия «театр», «игра», следуют одна за другой, как бы реализуя метафору «жизнь есть театр».

Исследование поэтики романов дилогии Песецкого позволяет сделать вывод о том, что, будучи тематически «шпионской», она не является таковой в жанровом отношении, как не может быть отнесена и к приключенческому жанру.

Список литературы

1. *Гиппиус* З. Дневники. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.
2. *Янушкевич* Я. «Дзе маскаль пануе, там наша кроў нічога не каштуе» // Пясэцкі С. Пяты этап. Мінск, 2012.
3. *Demel* R. Sergiusz Piasecki (1901 – 1964). Życie i twórczość. Łomianki, 2012.
4. *Piasecki* S. Bogom nocy równi. Gdańsk, 1989.
5. *Piasecki* S. Piąty etap. Łomianki, 2014.

Об авторе

Галина Львовна Нефагина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nefgl@mail.ru

About the author

Galina Nefagina, Dr. of Philology, Professor, I. Kanta Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: nefgl@mail.ru